

Глава сорок восьмая МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ДУМОЙ

Во время междудумья, между первой и второй Думой, правительство опубликовало целый ряд правил, по силе статьи 87 основных законов. По смыслу этой статьи, во время роспуска Думы, правительство может принимать законодательные чрезвычайные меры впредь до созыва Государственной думы, причем в течение двух месяцев после созыва Думы, соответствующий закон должен быть представлен в Государственную думу.

Столыпин из этой статьи, посредством самого неправильного и произвольного ее применения, создал целое законодательство, основанное на этой 87 статье.

По этой статье, во время междудумья, Столыпин разрешал не только чрезвычайные меры, не терпящие отлагательства, но и такие меры, которые могли терпеть отлагательство еще целые годы.

Так, по этой статье, он предрешил все преобразования по крестьянскому вопросу; по этой статье он издал закон о старообрядцах и сектантах; наконец, по этой статье он принял целый ряд мер охранительного и полицейского порядка, но мер законодательных.

Статья 87 — автором которой был я — очевидно, имеет в виду исключительные, чрезвычайные меры, которых отложить до созыва Государственной думы

нет возможности, и притом такие меры, которые не предрешают ничего по существу; например разрешение крестьянского вопроса в порядке статьи 87, очевидно, предрешает весь вопрос капитальнейшей государственной важности по самому его существу.

Когда такой закон продержится полгода, и в соответствии с ним начнется переделка землеустройства, то ясно, что после этого идти в обратном направлении почти что невозможно. Во всяком случае, это породит целый хаос!

Я уверен, например, что если бы по ст. 87 Столыпин не предрешил крестьянского вопроса, то те основания, которые были приняты Столыпиным, впоследствии были бы в корне изменены законодательными учреждениями; но законодательные учреждения ничего существенного изменить не могли, потому что они приступили к обсуждению этого дела уже после продолжительного действия закона по статье 87. Кроме того, закон этот, несомненно, не получил бы одобрения Думы и Государственно-го Совета, если бы ко времени рассмотрения этого закона уже не была созвана третья Государственная дума, Дума, которая состоит, в большинстве случаев, из ставленников Столыпина.

У Столыпина явилась такая простая, можно сказать, детская мысль, но во взрослой голове, а именно, для того чтобы обеспечить помещиков, т. е. частных землевладельцев, чтобы увеличить число этих землевладельцев, нужно, чтобы многие из крестьян сделались частными землевладельцами, чтобы их было, скажем, не десятки тысяч, или сотни тысяч, а пожалуй, миллион. Тогда борьба для крестьянства с частными землевладельцами всевозможных сосло-

вий — дворянского, буржуазного и крестьян личных собственников — будет гораздо тяжелее.

Эта простая детская мысль, зародившаяся в полицейской голове, привела к изданию крестьянского закона, так называемого закона 9 ноября 1906 года, который затем с различными изменениями прошел и в Государственной думе, и в Государственном Совете и который составляет ныне базис будущего нашего устройства крестьян.

В основе этого проекта положен принцип индивидуального пользования. Вообще проект этот, в сущности говоря, заимствован из трудов особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, но исковеркан постольку, поскольку можно было его исковеркать после того, как он подвергся хирургическим операциям в полицейских руках.

Индивидуальная собственность была введена так, как высказывалось и сельскохозяйственное совещание; но вводится она уже не по добровольному согласию крестьян, а принудительным порядком. Частная собственность по этому закону вводится без всякого определения прав частного собственника и без выработанного для этих новых частных собственников-крестьян правомерного судоустройства.

В конце концов проект этот сводится к тому, что община насильственно нарушается с водворением крайне сомнительных частных собственников-крестьян, для достижения той идеи, чтобы было больше частных собственников, ибо полицейское соображение, внушившее эту меру, таково, что если этих частных собственников будет много, то они лучше будут защищаться.

Одним словом, весь проект основан на том лозунге, который с цинизмом был высказан Столыпиным

в Государственной думе, что этот крестьянский закон создается не для слабых, — т. е. не для заурядного крестьянства — а для сильных.

Конечно, очень может быть, что время переработает и этот закон и при посредстве времени образуется новое удовлетворительное устройство крестьянства. Но мне мнится, что ранее достижения такого результата последуют большие смуты и беспорядки, вызванные именно близорукостью и полицейским духом этого нового крестьянского закона (закона 17 июня).

Я чую, что закон этот послужит одной из причин пролития еще много невинной крови. Был бы очень счастлив, если бы мое чувство меня обмануло.

Замечательно, что одним из защитников этого закона при обсуждении его в Государственном Совете явился тот же г-н Стишинский, соучастник мер совершенно противоположного характера, принятых в министерстве графа Дмитрия Толстого, и ярый защитник общины и стадного управления крестьянством. Но Стишинский не мог устоять перед очами главы правительства, чтобы не оказать ему преданности или, вернее, чувства лакейства.

Также меня огорчило и то, что после того, как был издан этот закон, его стал проводить в исполнение нынешний главноуправляющий земледелием и государственными имуществами — Кривошеин, который в сельскохозяйственном совещании являлся сторонником общинного управления, и именно потому, что эту идею сельскохозяйственное совещание не разделяло, оно не без участия Кривошеина было закрыто и было основано совещание Горемыкина, которое имело проводить совершенно иные идеи, а именно идеи общинного землевладения.

Для того чтобы несколько успокоить крестьянство, по инициативе Столыпина были приняты и некоторые паллиативные меры, которые принесли крестьянам весьма мало пользы, но расстроили некоторые хозяйства; так, например, по его инициативе, большинство удельных земель и степных угодий были переданы Крестьянскому банку для продажи крестьянам. Продажа удельного имущества, конечно, значительно уменьшила обеспечение царствующего дома и, по сравнительной незначительности этого имущества, не могла принести никакой существенной пользы крестьянам.

Точно такое же значение имела мера о продаже крестьянам, земельных оброчных статей и лесных угодий казны.

Такое же значение имела мера об обращении пригодных земель Алтайского округа для устройства переселенцев. Алтайские земли — это земли, принадлежащие Государю.

При такой обширной Империи, как Россия, и при быстром увеличении населения государства, всегда было полезно иметь некоторый запас земельных угодий, и быстрая одновременная растрата этих угодий — мера, в хозяйственном отношении, не рациональная, а, между тем, оказать сколько бы то ни было заметную пользу крестьянам не могла.

Одновременно с этим, пользуясь междуудумьем, Столыпин издал ряд мер для подавления смуты: повеление об усилении ответственности за распространение среди войска противоправительственных суждений и учений и, на основании ст. 87, правило о военно-полевых судах. Правило это заключается в том, что, по усмотрению правительства, виновных

можно предавать не обычновенным судам, ни даже военным судам, действующим в нормальном порядке на основании закона, но особым полевым судам для расправы, как бы на войне, причем было оговорено, что в судах этих не должны принимать никакого участия военные юристы, а суды должны состоять просто из строевых офицеров. Конечно, подобный суд недопустим в стране, в которой существует хотя бы тень гражданственности и законо-мерного порядка.

Этот проект военного прокурора генерала Павлова был представлен в Совет Министров в то время, когда я был председателем Совета Министров, но тогда Совет Министров на экстраординарную и чрезвычайную по своей огульной жестокости меру не согласился. Мера эта не была введена и при Горемыкине, а затем ее ввел Столыпин. Затем Столыпин начал принимать некоторые меры в отношении Финляндии, не вполне соответствующие финляндской конституции. Так как финляндский сейм к этому не отнесся равнодушно, то последовало закрытие сейма 5 сентября 1906 года.

Можно сказать, что Столыпин был образцом политического разврата, ибо он на протяжении 5 лет из либерального премьера обратился в реакционера, и такого реакционера, который не брезговал никакими средствами для того, чтобы сохранить власть, и, произвольно, с нарушением всяких законов, правил Россией.

Но в то время, в междудумье, после закрытия I Государственной думы, между первой и второй Думами, равно как и при первой, так и при второй Государственной думе, Столыпин стеснялся обнаружить свою истинную физиономию, а потому часто гово-